

Цзян Жун потер уставшие плечи:

— Наконец-то закончили.

В следующий раз, если придется делить мясо, он обязательно найдет больше людей, чтобы разделить работу. Если так продолжится, кто выдержит?

Гуань Шао, сидя на ступеньках, выпил больше половины бутылки воды:

— Первый раз — сложно, второй раз — легче. В следующий раз уже будет проще.

Ху Хэчу, который провозился несколько часов, теперь едва мог стоять на ногах. Он сидел, опустив голову, его руки слегка дрожали. Цзян Жун протянул ему бутылку воды:

— Не спеши, маленький Ху. Как только Чу Цян вернется, он отвезет тебя домой.

В этот момент снаружи Центра досуга раздался звук пикапа. Вскоре Чу Цян въехал на парковку. Сегодня он был занят перевозкой и разгрузкой товаров, и, если бы не его хорошая физическая форма, он бы давно упал от усталости.

Чу Цян спрыгнул с пикапа и позвал Пань Паня и Ху Хэчу:

— Пойдем, я отвезу вас домой.

Тут Пань Пань вспомнил главную задачу, с которой он пришел в Центр досуга сегодня. Его беспокойный двоюродный брат все еще был связан.

Пань Сяоцюань, связанный по рукам и ногам, провел так несколько часов. Увидев Пань Паня, он заплакал и задрожал как в лихорадке. Мерцающий огонь отражался на лице Пань Паня. Он без эмоций посмотрел на него:

— Залезай в машину.

Пань Сяоцюань вздрогнул от страха и, спотыкаясь, полез в багажник пикапа.

Цзян Жун, наблюдая за этой сценой, был удивлен. Пань Пань всегда казался ему тихим и покорным, так почему же Пань Сяоцюань так его боится? Но это семейные дела других, и он не стал расспрашивать.

После того как разобрались с Пань Сяоцюанем, Пань Пань повернулся к Цзян Жуну и поклонился:

— Брат Цзян, спасибо вам за сегодня. Сегодня я разберусь с домашними делами, а завтра после обеда приду вовремя.

Цзян Жун слегка кивнул:

— Хорошо, будь осторожен на дороге.

После того как пикап уехал, Цзян Жун и Гуань Шао направились к дому Чу Цяна, чтобы забрать своих сыновей. После целого вечера работы от них плохо пахло. Особенно от Гуань Шао, который был весь в крови. Еще не дойдя до деревни, они уже вызвали лай собак.

Гуань Шао посмотрел на свою одежду с отвращением:

— Я воняю.

Цзян Жун улыбнулся:

— Сначала сходи в дом Цзяна, прими душ. К тому же сестра Чуньлань — врач, она сможет осмотреть твои раны.

Вскоре они добрались до дома Чу Цяна, где внутри и снаружи горел свет. Дядюшка Чу и его семья работали допоздна, сортируя полученные сегодня товары по категориям. Двор был заполнен вещами, и места почти не осталось.

Увидев Цзян Жун, дядюшка Чу сразу подошел к нему:

— Маленький Жун, ты как раз вовремя. Посмотри, куда бы это все разместить?

Вещей было так много, что свободные комнаты уже были заполнены. Места больше не оставалось.

Цзян Жун задумался на мгновение. Видимо, строительство склада стало срочной необходимостью.

— Дядюшка Ли, тетюшка Ли, у вас есть место для хранения?

Дядюшка Ли замешкался:

— Свободные комнаты есть... но, маленький Жун, ты уверен, что хочешь оставить вещи у нас?

Вещи такие ценные, если что-то пропадет, как он и его жена смогут объясниться перед Цзян Жун?

Цзян Жун улыбнулся:

— Почему бы и нет? Ведь есть же Хуцзы. К тому же, вещи обмениваются для использования. Если вам что-то нужно, берите прямо оттуда.

Дядюшка Ли и тетюшка Ли прослезились:

— Маленький Жун, мы обязательно позаботимся о твоих вещах.

Глядя на двор, заполненный вещами, Цзян Жун вздохнул:

— Если бы только был эспер с пространственной способностью.

Когда он запасался товарами, он завидовал эсперам с пространственной способностью. Их личное пространство компактно, и они могут легко хранить и извлекать вещи. Один такой эспер — это как большой универмаг. К сожалению, такие эсперы встречаются редко.

Цзян Жун просто случайно высказал свои мысли, но он не заметил, как Ван Чуньлань и ее дочь обменялись взглядами.

*

Когда Гуань Шао закончил мыться и обработал раны, Цзян Жун и он взяли спящих детей и собрались домой. В этот момент у ворот раздался звук клаксона пикапа, и Чу Цян вбежал в дом

с человеком на руках:

— Сестра Чуньлань, скорее посмотрите!

Цзян Жун мельком взглянул и не разглядел лицо, но увидел окровавленное светло-зеленое платье.

Это была Жуань Ханьюй!

Сердце Цзян Жун упало. Видимо, он был прав, кто-то напал на Жуань Ханьюй. Он и Гуань Шао обменялись взглядами и быстро направились к гостиной.

Жуань Ханьюй лежала на диване, ее лицо было бледным. Девушка, которая еще недавно была застенчивой и доброй, теперь лежала с закрытыми глазами, ее щеки опухли, а шея была покрыта синяками. Красивое зеленое платье было разорвано, и на нем были брызги темно-красной крови.

Ван Чуньлань натянула занавеску перед диваном, чтобы скрыть Жуань Ханьюй от взглядов.

Чу Цян стоял под навесом, его лицо было мрачным:

— Я только что отвез Пань Паня в Пятую деревню, а на обратном пути проезжал мимо Шестой деревни. Увидел, что ворота дома Жуань распахнуты, и сразу понял, что что-то случилось.

Ранее Цзян Жун хотел, чтобы Жуань Ханьюй поехала с Пань Панем, но Пань Пань остался. Чу Цян решил отвезти Жуань Ханьюй отдельно и забрать оставшиеся 19 мешков кошачьего наполнителя, которые она обменяла.

Дом Жуань находился в передней части Шестой деревни. Чу Цян, загрузив наполнитель, специально предупредил Жуань Ханьюй, чтобы она закрыла окна и двери и была осторожна.

Убедившись, что она закрыла двери, он спокойно уехал. Но через несколько часов, проезжая мимо дома Жуань, он снова увидел распахнутые ворота. В голове Чу Цяна зазвенел тревожный звонок, и он понял, что что-то не так.

Когда он ворвался в дом Жуань, то увидел пять трупов в гостиной, кровь залила пол. В углу гостиной он нашел лежащую на полу Жуань Ханьюй. Проверив ее пульс и дыхание, он понял, что она еще жива, и быстро отвез ее обратно.

Чу Цян с ненавистью сказал:

— Эти мертвецы — жители соседних деревень, они всегда бездельничали. Видимо, услышали, что Жуань Ханьюй обменяла много мяса, и решили на нее напасть. Эти твари...

Если бы они просто украли мясо, Чу Цян бы не сказал ни слова. Но напасть на девушку — это перешло все границы.

Пока он говорил, Ван Чуньлань вышла из-за занавески, ее глаза были красными:

— С ней все в порядке, только множественные ушибы мягких тканей.

Как женщина, Ван Чуньлань понимала, насколько слабой может быть женщина и как трудно ей сопротивляться насилию. Осматривая Жуань Ханьюй, ее руки дрожали. Она не могла представить, что бы она чувствовала, если бы это случилось с Лэйлэй. Она только знала, что,

глядя на раны Жуань Ханьюй, ее сердце разрывалось от боли.

Чу Цян дрожащим голосом спросил:

— Эти твари... они ее изнасиловали?

Услышав это, Ван Чуньлань слегка улыбнулась, облегченно:

— Девушке повезло, ее не изнасиловали.

Услышав это, все присутствующие незаметно вздохнули с облегчением. Слава богу, эти твари не нанесли Жуань Ханьюй непоправимого вреда.

В этот момент из-за занавески раздался крик, и Жуань Ханьюй наконец очнулась. Ван Чуньлань и тетюшка Чу быстро зашли за занавеску:

— Не бойся, ты в безопасности.

За последние несколько часов Жуань Ханьюй пережила кошмар. После того как Чу Цян уехал, она закрыла окна и двери и занялась обработкой мяса. В ее доме не было электричества, и мясо, которое она обменивала, нужно было быстро обработать, иначе оно бы испортилось.

Когда мясо почти сварилось, она услышала, как кто-то взламывает дверь. Ворота до Великого Кризиса могли быть легко взломаны даже мелким вором, и через несколько минут дверь была открыта. Пятеро мужчин ворвались внутрь. Жуань Ханьюй попыталась спрятаться, но ее дом был слишком маленьким, и вскоре ее вытащили из шкафа.

Это была катастрофа. Жуань Ханьюй кричала, но никто не приходил ей на помощь. Даже если бы она кричала до хрипоты, никто бы не спас ее. В отчаянии у нее была только одна мысль: она ненавидела этих злодеев, которые ворвались в ее дом, и ненавидела себя за то, что не могла сопротивляться.

Перед тем как потерять сознание, вся гостиная на мгновение осветилась, и затем она отключилась.

Осознав, что она в безопасности, Жуань Ханьюй разрыдалась. Она была социофобом и никогда не говорила громко, но теперь ей пришлось пережить такое ужасное событие. Она обняла Ван Чуньлань и плакала так горько, словно выплескивала всю свою боль.

Это было хорошо. Лучше плакать, чем не плакать. В прошлой жизни Цзян Жун видел, как девушка, подвергшаяся насилию, покончила с собой. То, что Жуань Ханьюй плачет, значит, она все еще боится.

<http://bllate.org/book/16638/1524570>